© 2019 г.

М.Э. ЕЛЮТИНА, С.Г. ИВЧЕНКОВ, Л.В. КОЛЯЗИНА

СУПРУЖЕСКАЯ ЗАБОТА КАК СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ЖИЗНИ В ПОЖИЛОЙ СЕМЬЕ

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы (elutina133@mail.ru); ИВЧЕНКОВ Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи (ivchenkovsg@mail.ru); КОЛЯЗИНА Лариса Викторовна – аспирантка кафедры социологии социальной работы (kolyazina_larisa@mail.ru). Все – Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Аннотация. Понятие заботы имеет разные уровни концептуализации. В данной статье стоит задача проанализировать супружеское измерение заботы в позднем возрасте с точки зрения смыслового наполнения этой категории самими пожилыми людьми: каким образом они определяют супружескую заботу, на каких условиях разделяют обязанности по оказанию помощи и поддержки и какие стратегии используют для их реализации. Супружеская забота идентифицируется как функция ответственности за сохранение и/или расширение ресурсов пожилых супругов. На основе результатов эмпирического исследования показано, что данная функция реализуется по принципу обоюдности, взаимозависимости, соотносительности своей жизни с жизнью другого. Диапазон заботливого отношения супругов может колебаться между заботой о супруге и возрастающей озабоченностью своими собственными проблемами. Описаны основные референции супружеской заботы в пожилой семье.

Ключевые слова: *пожилая семья • супружеская забота • формула заботы • логика заботы • референции супружеской заботы • эффект «бутылочного горлышка» • нисходящая «воронка потерь»*

DOI: 10.31857/S013216250004955-3

Супружеская забота как категория анализа. Веберовское понятие «ведение жизни» является сложным и многозначным, фиксирует реестр возможных способов организации своей жизни. Г.-П. Мюллер, интерпретируя М. Вебера, подчеркивает его содержательную наполняемость разными жизненными формами: от обеспечения «выживания» до устройства «благой жизни». Автор указывает, что способ ведения жизни, с одной стороны, зависит от жизненных шансов, с другой — заметным и измеряемым образом проявляется в специфических стилях жизни [Мюллер, 2017: 112–115]. Таким образом, в качестве перспективы использования данного понятия выступает прежде всего поле повседневной жизни, в рамках которого осуществляется решение повседневных проблем. Для нас важно, что понятие «ведение жизни» позволяет фиксировать двоякое понимание интересующих взаимодействий: и с точки зрения суверенного определения своей жизни, и с позиции соотношения своего поведения с поведением другого в контексте пространственного соприсутствия, а также сфокусировать исследовательский интерес на правилах и смысле, в соответствии с которыми супруги выстраивают свои взаимодействия и генерируют новые идентичности.

В контексте нашего исследования будем рассматривать межличностное измерение заботы, фокусируясь на микроуровне супружеских отношений. К сожалению, данная тема не входит в число приоритетных для актуальных социологических исследований ни за рубежом, ни в отечественных работах, фрагментарно она рассматривается в контексте проблематики активного старения. На наш взгляд, супружеские отношения выступают не каким-то фрагментом, а являются неотъемлемым компонентом дискурсивного осмысления активного старения. Под супружеской заботой мы понимаем способ ведения локально организованной частной жизни, включающий совокупность особых практик, продуманных, добровольных, регулярных, с помощью которых человек погружается в суету и хлопоты «озабочивающего мира». Это тот случай, когда человек не просто участвует, но принимает свое авторство в отношении чувств, мыслей, поведения, возникающих в этой ситуации, и несет за них ответственность. Мы подчеркиваем значимость такой характеристики поведения, как регулярность. Речь идет о повторяющихся ситуациях, которые реализуются индивидом на протяжении определенного времени в отличие, к примеру, от спонтанной помощи. Забота представляет собой опривыченные практики, когда человек таким образом погружен в ситуацию заботы и достигает такого контроля над собой, что при любом сбое легко сохраняет вовлеченность в данную ситуацию.

Формула заботы зависит от социокультурного контекста: социальных предписаний, ценностно-нормативных рамок ситуации, предполагающих определенную настрой участников взаимодействия, преодоления внешних предубеждений, внутренних установок, признания суверенитета личности в частной жизни, осознание дозволенного. Нередко практики заботы представляют собой контекст для проявлений негативного опыта, могут вызвать дезорганизацию поведения участников взаимодействия, стрессовые состояния, взрывные эффекты.

Известны разные формулы заботы, и те, что уходят корнями в размышления древних философов, и те, что конструируются современной повседневностью. Отметим, как нам представляется, наиболее существенные из них. 1. Познай самого себя (духовные и телесные упражнения). 2. Действуй и помоги тому, кто нуждается в помощи. Возникновение этой формулы связано с осознанием того, что человек может взывать к действию, но не совершает действия, может быть сосредоточенным на дилеммах, а не на проблемах, человек может не столько поступать, сколько отступать. 3. Действуй, но соблюдай меру. Одна из современных интерпретаций этой формулы предполагает организацию трансграничной заботы, особенно в контексте гендерных и межпоколенных конфигураций. 4. Забота – превращение себя в произведение искусства, в эстетическую ценность, чему способствуют возможности новейших видов медицинских вмешательств, различные арт-практики, перформансы. 5. Забота – это переадресация функций, в том числе и базовых, техническим устройствам – аутсорсинг. 6. Забота как праздность. В этом случае человек призван заботиться только о своем личностном становлении и развитии, что фактически означает элитазацию под влиянием праздности («дауншифтинг», клубная культура), либо праздность проявляется в виде ориентации на эскапистское отношение к социальной реальности.

Современный контекст требует нового содержания, новых ресурсов, расстановку новых акцентов в практиках заботы современного человека. Когда мы говорим о пожилых супружеских парах, то имеем в виду своего рода нарратив заботы, развертывающийся во времени и связанный с реконфигурацией взаимоотношений супругов и поиском выгодного консенсуса. Жизнь пожилого человека амбивалентна: с одной стороны, с возрастом формируется устойчивая потребность к автономии и независимости, с другой – в силу функциональных расстройств (заболеваемость людей старше 60 лет характеризуется множественностью патологии, нарастающей с возрастом) он в той или иной мере теряет автономность в быту, попадает в ситуацию зависимости, когда его состояние, поведение и деятельность обусловлены главным образом внешними по отношению к нему факторами (это может быть экономическая, физическая, психологическая, социальная зависимость).

В ценностной структуре представителей старшего поколения супружество занимает одно из первых мест. Доминирующей ценностью становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность, практики взаимной поддержки. Отметим и такую важную, на наш взгляд, особенность пожилой семьи, как наличие опыта преодоления различного рода трудностей на длительном пути развития супружеских отношений. Многие мысли и действия супругов не выдержали проверки, оказались видимостью или мнением, в связи с чем были изъяты из арсенала супружеских отношений. Супружеская забота реализуется в определенных социальных обстоятельствах, иногда вопреки им, хотя в чем-то, парадоксальным образом, и благодаря им. Пожилая семья сталкивается с различными препятствиями в реализации функции заботы: резкое падение благосостояния абсолютного большинства пожилых семей, рост социальной дифференциации, изменения стратегий жизнеобеспечения. Сами пожилые склонны «не утруждать», «не отягощать жизнь» родных и близких [Елютина, 2017: 66–74]. При этом слабость институциональных проекций и социальных страховок (дефицит институциональной заботы, коммерциализация социальной сферы, особенно в здравоохранении, неоднозначное восприятие принятых социальных реформ, касающихся непосредственно пожилых людей, коммодификация персональных услуг, составляющих экономику заботы) нередко приводят к тому, что супруги остаются единственными агентами помощи и поддержки. Добавим к этому и тот факт, что большая часть людей старшего возраста еще не живет в виртуальном пространстве [Вершинская, 2017], а следовательно, не получает через социальные сети информацию, необходимую для взаимопомощи и взаимоинформирования. Супружеская забота становится не только возможной, но и необходимой в пожилой семье, так как выступает способом решения многих социально-экономических проблем, формулой ведения жизни. Сначала определим, что такое супружеская забота в позднем возрасте, поскольку это понятие не является столь очевидным, как может показаться.

С целью идентификации смыслового пространства категории заботы в представлениях пожилых супругов проведено качественное исследование – 32 глубинных интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, возраста 60+, пенсионерами, состоящими в браке, отдельно проживающими, активно ведущими домохозяйства (люди прямых действий – принимающие решения по поводу организации повседневной жизни и несущие ответственность за них), основным источником дохода которых является государственная пенсия. Опрашивались жители Саратова (октябрь 2017 – апрель 2018 г.). Рекрутинг информантов осуществлялся методом «снежного кома» с помощью родственников и знакомых исследователей. Этот метод поиска участников исследования представляется необходимым в силу того, что тема исследования весьма деликатная. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы); интервью проводились по месту их жительства.

Мы попытались, основываясь на мнениях пожилых супругов, отразить содержание и смыслы супружеской заботы в позднем возрасте, проследить линии их аргументации, что даст возможность, как мы полагаем, определить пути усиления «жизненности» супружеских отношений и их устойчивого развития на данном этапе жизни, а также представить разнообразные облики, репрезентации старости, открыть новые горизонты для ее концептуализации.

Референции супружеской заботы. По результатам нашего исследования, многообразие определений супружеской заботы может быть сведено в следующие смысловые группы: как определенный образ действий, как эмоциональная оценка, как механизм мобилизации супружеских отношений в трудный период жизни, как активное тестирование собственных сил, возможностей. В семантическое поле понятия супружеской заботы вошли и ассоциируемые с каждым из указанных смыслов моральные фреймы.

1. Забота как определенный образ действий, направленный на сохранение и/или расширение ресурсов супругов и основанный на своего рода внутреннем долге, вырастающем из самого назначения супружества. Этот внутренний долг осознается и реализуется по-разному: забота может быть средством сплочения супругов, преодоления межличностной дистанции, пробуждения чувства общности жизней, реализуется как «живая помощь», «поддержка», обретающая при определенных условиях этос служения и спасения: *«Заботиться – значит вкладывать силы, эмоции и время друг другу, разделять тревоги, оказывать помощь»* (м., 72 года).

В данном случае сама забота выступает как необходимая и постоянная причастность, а точнее, сопричастность, жизненных миров супругов, способ примирения с существованием, непрерывного прислушивания к жизни другого, способ преодоления тревог. Заботиться – значит обеспечивать пребывание другого в надлежащем состоянии, *«мыслить и действовать, исходя из ценностей взаимной потребности и стабильности отношений, а не из-за какой-то банальной выгоды»*. В противоположность этому супружеская забота может восприниматься в качестве манипулятивного средства, инструмента доминирования, тотального контроля: *«Моя жена обо мне заботится. Но для меня ее забота слишком тяжела, она как панцирь, надетый на меня и сковывающий мои движения. Она должна всегда стоять на своем, пользуется моей недееспособностью и зависимостью. Никогда не спросит, а что хочу я, всегда один ответ “так надо”»* (м., 76 лет).

Информант сообщает, что супруга приковывает внимание к тому, что она считает важным и нужным, и, соответственно, отвлекает от того, чего на ее взгляд, ему не нужно. Остается только суетиться, так как все заранее определено. Эту суету М. Хайдеггер назвал навязыванием «несобственной экзистенции». Респонденты при характеристике такого рода заботы употребляли понятия *«злоупотребление заботой»*, *«слишком много заботы»*, *«излишняя забота»*, выражали протест против сокращения своей свободной активности и десубъективации. Эффект «переполнения заботой» вызван в данном случае не увеличением или разнообразием практик заботы, а непосредственно связан со смещением заботы в сторону усиления контроля, избыток которого, по справедливому замечанию Ж. Бодрийяра, *«всегда располагается там, где больше ничего нет»* [Бодрийяр, 2017: 13]. В этом контексте речь идет об ослаблении или отсутствии представления о другом как живой, автономной личности, готовой к самостоятельному выбору. Объект заботы воспринимается как предоставленный ему/ей в эксклюзивное пользование: *«я против такой до жути решительной обработки»*, *«меня оккупировали»*. По мнению респондентов, забота должна быть мягкой, ненавязчивой, *«приходить на голубиных лапках»*. Однако отметим, что избыток заботы не всегда доставляет дискомфорт, даже если принимает форму конфликта в замедленном режиме. Когда принцип меры не соблюдается, в действие вступает логика инерции.

И, наконец, забота воспринимается с точки зрения ее дефицита, когда имеет место такая супружеская среда, в рамках которой ощущается нехватка заботы: *«жена в основном заботится о внуках, вот ими она занимается целыми днями»*, *«мой муж, конечно, сделает, если его об этом несколько раз попросишь, но никогда не проявит сам заботу»*. Супружеский пассив заботы не характеризуется нулевым итогом, забота предоставляется, но под воздействием различного рода психологических усилителей.

По результатам нашего исследования, можно выделить содержательные референции заботы как определенного образа действий: забота охватывает всю повседневную жизнь пожилой супружеской пары в самых разных формах: распорядок дня, здоровье, режим питания, отдых, соблюдение гигиены, поддержание чистоты в доме. Она проникает в повседневную жизнь не растворяясь в ней, но неизменно выказывая свое отличие от прочих дискурсов. Забота не сводится к ее эффективности. Она – не состязание в предоставлении услуг (кто больше), а совместное движение вперед, основанное на сотрудничестве и взаимопомощи. Это деятельность, заключающаяся в практиках веридикции в отношении супружества, ее каждодневная реализация является своего рода смотровой площадкой,

откуда можно увидеть весь лабиринт супружеских отношений. Плотное включение в повседневную жизнь практик заботы фиксируется в речевой конструкции супругов «мы» при обсуждении разного рода живых контактов. Тем не менее супружеская забота предполагает определенное исчисление, но не в узком смысле цифровых операций, а в широком, в плане возможности рассчитывать на что-либо, то есть ожидать определенного результата.

Логика заботы, которая постепенно складывается в порядке ожиданий супругов как логика обоюдности, взаимообращенности, взаимозависимости. Здесь, по мнению информантов, возможны три варианта: 1) позитивная взаимность, когда и дают, и берут; 2) негативная взаимность – такая, в которой мало дают и много берут, что характеризует непропорциональный обмен; 3) взаимность как действия, которые не предполагают отдачи по формуле кто может – дает, кто нуждается – берет; такие действия обусловлены личной привязанностью и взаимными ожиданиями и поэтому редко имеют моральную модальность долженствования, хотя и не исключают ее в том случае, когда личные проблемы, усталость, скверный характер супруга/и приводят к тому, что искренняя привязанность оказывается «изношенной», и тогда в силу вступают моральные регуляторы, обуславливающие выполнение тех действий, которые ждут близкие и социальное окружение.

Супруги «настроены» друг на друга, замечают и реагируют на сигналы о физическом и духовном состоянии друг друга. В данном случае нет необходимости в подробном отчете, в обязательном включении опции «голос», пожилые супруги часто используют некие невысказанные, скрытые правила, которые важны для понимания происходящих событий: кивок головы, помахивание рукой, «говорение глазами». Супруги легко прочитывают скрытую информацию: «Я сразу вижу: угодил или нет. У нас это называется “голосование глазами”. Если сощурила глаза, не миновать мне выговора, значит сделал не то или не так, как ей хотелось» (м., 69 лет).

Наши респонденты отметили, что их обижает открытое выражение недовольства при любых условиях оказания помощи и поддержки: «Он (супруг) вечно недоволен, все ни так, ни этак, ворчит, а я иногда сама не могу ничего делать, плохо себя чувствую. И это его плохое настроение мне передается. Он и в молодости был нетерпимым, капризным. Но тогда у меня были силы справляться с этой ситуацией. А сейчас их становится все меньше. Думаю, накажу, не подойду, не сделаю... Но потом понимаю, если я не сделаю, то никто не сделает. Обижаясь, но продолжаю все делать» (ж., 77 лет).

Пожилым супругам важно почувствовать позитивное восприятие своей заботы, являющейся способом осуществления контроля над ситуацией. В противном случае может последовать эмоциональный взрыв и поступки, направленные на восстановление социально-психологического баланса внешнего и внутреннего любой ценой. Ситуацию спасает юмор, который рассматривается как «дополнительное зрение», как оберег и психологическая защита, механизм вытеснения отрицательных эмоций положительными. Юмор позволяет сшить разрывы в ткани супружеской жизни: «Знаю, что мне в жизни изменял, ухаживал за другими женщинами. Были серьезные конфликты, уходил, возвращался. Переживала, много слез пролила. Но что я в нем ценю, так это его юмор. Так выкрутит ситуацию, что нельзя оставаться серьезной. И всегда “Мамочка, ты у меня лучшая. Прости раба твоего, Игоря, проси, чего хочешь”. Вот так и живем, не тужим» (ж., 68 лет).

Функцию «врачевания» выполняют и воспоминания: «Мы с женой не возвращались во круг болезни, а весело смеялись, вспоминая забавные эпизоды из нашей жизни». Воссозданные памятью пережитые события функционируют в регистре жизнеутверждения, конструирования проекций на будущее. Зачастую действует принцип взаимной перспективы, когда супруги способны предвидеть реакции на реакции другого. Интерсубъективная конструкция является здесь чем-то большим, чем может показаться на первый взгляд. Речь идет о более высоком рефлексивном этапе взаимодействия, о сложной структуре ожидания междусубъективной обязанности.

Эффект «бутылочного горлышка» в супружеской заботе возникает на фоне процесса наложения заботы о другом на возрастающую озабоченность своими собственными

проблемами, когда мысли и действия фокусируются на своих нуждах и потребностях и при этом негативно интерферируют с обработкой информации, необходимой для качественного выполнения текущих задач. Эта особенность требует перераспределения ресурсных запасов (материальных, энергетических, личностных) на фоне, как правило, превалирования в этом возрасте потерь над приобретениями. Процесс потери ресурсов может привести к попаданию в нисходящую воронку, двигаясь по которой и тем не менее пытаясь справиться с трудностями, человек продолжает терять все больше и больше. Возможный или реальный запуск нисходящей спирали потерь – одна из главных тревог пожилой супружеской пары: *«Сейчас пока все терпимо. Мы на ногах, совместные доходы позволяют жить экономно, но не бедствовать. Мы стараемся все делать вместе: и в магазин ходить, и готовить, и убираться. Но в нашем возрасте малейший сдвиг в сторону, и катастрофа. Мне страшно становится, когда я думаю, если кто из нас ляжет или оба выйдем из строя... Я постоянно задаю себе этот вопрос и не нахожу ответа»* (м., 73 года).

Нисходящие «воронки потерь» затягивают человека, он становится более уязвимым и менее способным адаптироваться к повседневным проблемам. В реализации супружеской заботы возникает объективная необходимость сочетать и удерживать в себе ряд трудносочетимых практик заботы. Респонденты подчеркивали тот факт, что проблемы со здоровьем означают изменение всей конфигурации жизненных приоритетов, так как необходимым, помимо всего прочего, становится формирование определенных гигиенических рамок повседневных практик, конструирование целого реестра особых предписаний с повышенными гигиеническими требованиями. Сюда входят и траектории использования вещей, требования к их качеству, и особый дискурс пищевого поведения: количество, место, тип приема пищи, техника ее приготовления. Важным моментом выступает и упорядочение временной структуры распорядка дня «завтрак-обед-ужин». Такое членение ритмизирует повседневную жизнь пожилых людей, придает ей особую динамику. Супругами в качестве стратегических решений в данной ситуации используется определенная «логика отталкивания» незначимых в данном контексте, второстепенных, фоновых практик и сюжетов, что позволяет фокусироваться на главном, фигурном элементе ситуации, а также «пересекающиеся стратегии» с целью удовлетворения запросов обоих супругов, и ее, и его: *«И мужу, и мне по состоянию здоровья необходимо соблюдать диету, но разную: то, что мне можно, ему нельзя. Целая канитель: готовить небольшими порциями и подавать строго по часам. Ну, и мы выбрали средний вариант: что и ему, и мне подходит. Такая диета полезна, и я меньше времени провожу на кухне»* (ж., 63 года).

Поиск срединных решений представляется супругам удовлетворительным и наиболее приемлемым в данной ситуации. Пожилые супруги «впускают» в свое мироощущение возможные и реальные дисфункции привычного образа жизни и формируют определенные стратегии реагирования на них, овладевают и пользуются ими.

2. Забота как эмоциональная оценка «с ценностью смысла» (М. Фуко) коррелирует с внутренней жизнью человека, с его особым переживанием жизни: *«терпеть друг друга и бремя жизни», «жертвенное отношение», «умение отпускать переживания, трудности», «проявлять жизнестойкость», «давать друг другу объяснять самих себя», «дарить почтение и внимание»*. Конечно, за длительный период совместной жизни супруги научились следить за эмоциями, однако они не всегда бывают эмоционально нейтральными, и страх, и скука, и раздражение, и гнев не уходят тогда, когда их всего лишь скрывают, ориентируясь на личностные особенности другого. В этом как раз и проявляется особая модальность супружеских практик заботы: отказ от унифицированных действий в пользу учета особенностей аффективно-эмоциональных реакций. В своем исследовании мы столкнулись с диаметрально противоположными реакциями: во-первых, с застреванием на своем опыте, невостремленностью которого рождает либо ощущение краха жизни, когда любые изменения должны «принять дурной оборот», либо практики назидательности (позиция ревизора), во-вторых, с попытками приспособиться к новым реалиям, в результате чего человек способен открыть что-то новое как вовне, так и внутри себя. Если в

первом случае можно говорить о рассогласовании эмоциональной сферы, то во втором – о преобразовании чувств и эмоций. По результатам нашего исследования, фиксируется разная степень эмоционального исполнения заботы. Традиционно именно женщине приписывается роль, предполагающая глубокую вовлеченность в дела своего супруга, фрейм особых свойств женской натуры: мягкости, покорности, преданности. Но когда ситуация меняется, когда именно супруга начинает нуждаться в помощи и поддержке, супругу сложно принять ответственность за эмоциональную составляющую взаимодействия, что может привести к субъективному отчуждению и иметь разрушительный для отношений характер: *«Бытует мнение, что женщина должна жертвовать своими собственными интересами во имя интересов своих близких. Я на своем опыте и опыте других убедилась, что надо заботиться, но, если возможно, не жертвовать собой. Иначе можешь все потерять: и уважение, и благодарность, оказаться в изоляции»* (ж., 67 лет).

По мнению информантов, нередко мужчины нацелены на предоставление какой-то конкретной помощи, а эмоциональную поддержку, «сюсюкание» они воспринимают как нецелое взаимодействие и стараются как можно скорее прервать такого рода контакты, считая их скорее знаком «аномалии»: *«Что-то конкретно сделать, делает, а вот сказать хорошее, похвалить, ободрить – только рукой машет, показывает свое несогласие...»* (жен., 71 год).

«Дефицит эмоционального тепла» со стороны супругов во многом связан с традиционным маскулиным образцом поведения, базирующемся на убеждении о том, что между разумом и эмоциями непреодолимое разделение. Эксперты связывают этот момент и с большей субъективной значимостью для женщин взаимодействия с другим человеком. Результаты современных исследований фиксируют факт сравнительно большего развития у женщин социально перцептивных способностей: они тоньше улавливают состояние другого человека по изменениям в тембре голоса и иных сторонах его экспрессии, полнее отражают его внешний облик, точнее определяют эффект своего собственного воздействия на другого человека [Скрипкина, Бандурина, 2007: 33]. Традиционные ролевые позиции женщины предполагают, что именно она в конечном счете несет всю полноту ответственности за удачи и неудачи семьи. Хотя в последнее время наблюдается определенный сдвиг в ролевых моделях поведения пожилых супругов в сторону равной степени контроля за ценой и условиями оказания заботы. Это тем более важно, поскольку пропорциональность эмоционально-психологического вклада и отдачи каждого из супругов обеспечивает душевное равновесие и эффективность личностных защитных механизмов [Елютина, Исаева, 2012].

3. Забота как мобилизация супружеских отношений в драматический период повседневной жизни (потери, болезни, конфликты). Информанты акцент делали на необходимость супружеской поддержки и помощи в ситуации болезни. Именно супружеская забота помогает человеку преодолевать период физических страданий и повышает его мотивацию бороться с болезнью: *«Моя жена – это спасательный круг, моя берегиня. Сколько ей надо сил, чтобы обо мне заботиться. После инсульта я много чего не могу делать сам. Если бы не ее забота, меня бы уже и на свете не было. Да, я считаю, что забота – это спасение человека, это протянутая рука утопающему, это луч надежды»* (м., 79 лет).

Пожилые супруги подчеркивали особенную значимость заботы в преодолении жизненных фронтов, когда человек остро ощущает или всю зыбкость, рискованность собственного существования, или, напротив, неслучайность своего места в жизни: *«Я уже восемь лет прикован к креслу. Поверьте, это очень мучительно привыкать к мысли, что ты инвалид, нуждающийся в постоянной заботе. И, если мне и удалось сохранить самоуважение, то только благодаря моей жене. Она очень позитивный человек, ее уверенность в благополучном исходе и мне передалась. Она составила график, где обозначены все действия, которые я должен выполнить в течение дня. Конечно, у меня случаются периоды, когда меня охватывают невыразимая усталость и тоска, но она не позволяет им управлять мной»* (м., 72 года).

В данном случае супружеская забота является своего рода подпоркой для конструирования позитивных целевых установок в отношении трудной жизненной ситуации в виде актуализации потенциальности «Я-могу». Сделать это самостоятельно весьма затруднительно, а в некоторых случаях и невозможно. Возникает механизм жизненной общности, которую нельзя описать или объяснить только лишь языком когнитивных процессов. Огромную роль здесь играют аффективные переживания: соучастие и эмоциональное сближение, которые модифицируют отношение к ситуации в направлении ее более позитивного восприятия. Наши респонденты подчеркивали значимость супружеской заботы и в улучшении способности преодолевать стрессовые ситуации, связанные с болезнью, и в процессе реабилитации после перенесенной болезни, и в процессе адаптации уже выздоравливающего человека.

4. Помимо межличностного уровня заботы, респонденты идентифицировали и индивидуальный уровень, когда забота представляется как «живое внимание к себе», «найти в отношении к себе точку опоры», «разобраться, что у тебя делается в душе», «действия над самим собой, укрепляющие дух и тело». Забота выступает как понимание, структурирование, связывание состояний, определение границ допустимых действий с самим собой. И в таком контексте становится не пассивным ответом на требования ситуации, а активным тестированием собственных сил, возможностей, без чего невозможна определенная трактовка другого и точки совместного с ним действия. Забота о себе есть, в том числе, рефлексивная оборачиваемость, пространство экзистенциально значимых вопросов, которые человек пытается сам себе пояснить, усвоить, означить, а также распутать меняющиеся свои эмоциональные конфигурации и обрести какую-то власть над переживаниями, осуществить принятые обязательства, ответственности: «Я всю жизнь думала о других: о детях, родственниках, муже, внуках. А последнее время стала задумываться, а что если заболела, слягу, кто позаботится? С мужем мы хорошо живем, уже сорок лет. Живем-то вместе, а умирать будем в одиночестве. У него сердце большое. Поняла, что надо себя не забывать, чтобы потом о себе не напоминать постоянно» (ж., 68 лет).

Здесь мы имеем дело с иным перенаправлением заботы, идущей из заботы о других, переоценкой ее значимости, ценности и влияния в контексте осознания конечности индивидуальной жизни. Целью заботы о себе становится не просто достижение согласия с самим собой, принятие ответственности за результаты своих действий (особенно если они имеют негативный характер), происходит как бы удвоение смысла заботы: больше заботиться о себе для того, чтобы другой мог меньше о тебе заботиться. Заботясь о себе, ты, таким образом, оказываешь услугу другому, экономя его силы и ресурсы. Расчет своих жизненных сил – это то, что М. Фуко обозначил как «быть в симфонии с самим собой», «быть хозяином самому себе», «иметь власть над собственными желаниями»: «Знаете, я осознала простую вещь – не допустимо быть в тягость другим людям: детям, мужу, родственникам... Жизнь такая сложная, что каждому человеку каждый день приходится решать целый ворох проблем. Он просто задавлен этими проблемами. Поэтому надо трудиться постоянно над собой, чтобы оставаться на плаву и физически, и психически: каждый день зарядка целый час, много читаю, учу наизусть стихи, чтобы сохранить память, коллекционирую рецепты полезных продуктов, не жалею ни сил, ни времени, готовлю натуральные настойки, смеси для поддержания здоровья. У моего мужа были ужасные запои, он просто валялся, где попало. Вот потихоньку ему внушила, что нельзя быть грузом, который висит на шее и может утопить обоих. Шаг за шагом, мы преодолели этот недуг» (жен., 70 лет).

В данном случае мы имеем дело со сценарием жизни, с таким отношением к здоровью по мере старения, которые предполагают каждодневные усилия, направленные на решение своих проблем (здоровый образ жизни, работа с собственными ценностями, со стрессами). Такие активные действия позволяют снизить собственную уязвимость, минимизировать последствия возможных болезней. Человек за счет уверенности в себе, надежды и флексибельности способен к совладанию с подъемами и падениями в повседневной жизни.

Заключение. Таким образом, супружеская забота в пожилой семье представляет самостоятельную ценность, является несущей основой их повседневной жизни. Стремление «держаться вместе» является своего рода амортизатором, способом приспособиться, «одомашнить» окружающий мир, который в противном случае представлял бы собой угрозу. Супружеская забота по своему содержанию амбивалентна, она функционирует по «принципу качелей», раскачивая супружеские отношения между разными полюсами. В формуле заботы, касающейся пожилых супругов, акцент смещается в сторону ответственности, осознанного принятия на себя обязанности заботиться о другом. Забота становится функцией ответственности: другие виды помощи также необходимы (внесемейные формы заботы, технологии социальной работы, окружающая инфраструктура, материалы и объекты также в той или иной степени вплетены в повседневность пожилой семьи, представляя «гибридную агентность» социальной заботы), но лишь постольку, поскольку не блокируют внутренние ресурсы и не маскируют бездействие самого человека. И эта функция реализуется постоянно и перманентно. Она является не просто каким-то предварительным социально-психологическим условием для практики супружеской жизни, а в каждый момент имманентно связана с ней и проявляет себя в том ведении жизни, который присущ супругам: в выборах, что они делают, в их отказах, в манере реагирования на то или иное положение дел, при столкновении с той или иной ситуацией. Супружеская забота как живое действие, а точнее содействие, означает перестройку внимания и изменение масштабов понимания и ответственности за себя и другого. В пожилой супружеской паре можно говорить об определенной экономии заботы – «заботясь о себе, ты экономишь ресурсы другого». Супружеская забота базируется на доверии, предполагает устойчивые, надежные отношения между супругами, их кооперацию и сотрудничество. В качестве ее ключевой особенности выступает эффект «бутылочного горлышка», фиксирующий тот факт, что флюгер супружеской заботы постоянно вращается, определяя диапазон заботливого отношения супругов, который может колебаться между естественной заботой о супруге и возрастающей озабоченностью своими собственными проблемами, когда супруги, по тем или иным причинам, не могут «поставлять» в прежнем объеме необходимую заботу. При этом топос внимания, находящийся на границе тонко прочувствованной неразличимости жизненных миров супругов, позволяет отстраниться от разного рода симулякров публичной и семейной жизни и сконцентрироваться на нуждах ближайшего и насущнейшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: РИПОЛ классик, 2017.
- Вершинская О.Н. Адаптация людей старшего возраста к виртуальному миру // Философские науки. 2017. № 6. С. 148–159.
- Елютина М.Э. Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов: Сарат. ун-т, 2017.
- Елютина М.Э., Исаева С.А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 91–99.
- Мюллер Г.-П. Ведение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 111–135.
- Скрипкина Т.П., Бандурина М.В. Особенности гендерных невербальных паттернов доверительного отношения к другому // Российский психологический журнал. 2007. Т. 4. № 4. С. 30–39.

Статья поступила: 11.10.18. Принята к публикации: 26.02.19.

MARRIED CARE AS LIVING MEANS IN AN ELDERLY FAMILY**ELUTINA M.E.*, IVCHENKOV S.G.*, KOLYAZINA L.V.*****Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia*

Marina E. ELUTINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair of Social Work Sociology (elutinal33@mail.ru); Sergey G. IVCHENKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair of Youth Sociology (ivchenkovsg@mail.ru); Larisa V. KOLYAZINA, Postgraduate Student of the Chair of Social Work Sociology (kolyazina_larisa@mail.ru). All – Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

Abstract. The concept of care is used at various levels of conceptualization. The article aims at analyzing the elderly married care measurement from the point of view of married care sense content by elderly people themselves: the way they define married care; the conditions of sharing help and support duties; the strategies used for their realization. The empirical research base, made from October, 2017 to April, 2018, is presented by 32 in-depth interviews with elderly married couples. Married care is identified as responsibility function for preserving or/and expanding elderly married couple's resources. The empirical research results demonstrated that the above-mentioned function is realized regularly and permanently according to the principle of mutual dependence and correlation of one's life with the life of the other. It represents itself in the life conduct shared by a married couple: their actions choice; their refusals; their reactions to various states of affairs under collisions with various situations. The range of careful married couple's relations may vary between caring for a married partner and increasing worries about personal problems, the latter taking place when married couples are not able to fulfill caring actions in previous volume («bottle neck» effect). The elderly married couple context makes it possible to speak about a definite care economy – «taking care of yourself, you preserve the other's resources». The interviews analysis revealed the presence of peculiar modality of married care practices; refusal from unified actions in favor of affective emotional peculiarities consideration.

Keywords: elderly family, married care, care equation, care logic, married care reference, bottleneck effect, endless loss funnel.

REFERENCES

- Baudrillard J. (2017) *Fatal Strategies*. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
- Eliutina M.E. (2017) *Old Age Social Existence: the Archive of Opinions*. Saratov: Sarat. un-t. (In Russ.)
- Eliutina M.E., Isaeva S.A. (2012) Divorce Reasons in the Third Age. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 91–99. (In Russ.)
- Müller H.-P. (2017) Life Conduct: a Systematic Sketch in the Context of Max Weber's Research Program. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 16. No. 3: 111–135. (In Russ.)
- Skripkina T.P., Bandurina M. V. (2007) Gender Non-Verbal Patterns Peculiarities of the Confidential Relation to the Other. *Rossiiskij psihologicheskij jurnal* [Russian Psychology Journal]. Vol. 4. No. 4: 30–39. (In Russ.)
- Vershinskaya O.N. (2017) Elderly People Adaptation to Virtual World. *Filosofskie nauki* [Philosophy sciences]. No. 6: 148–159. (In Russ.)

Received: 11.10.18. Accepted: 26.02.19.